

Глава 1

ДЕВЯТЬ ВОПЛОЩЕНИЙ. ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ У КОШЕК

Лишь песок и сухая трава, нагретая вечерним солнцем...

Песок, песок, песок, трава, трава, трава, обломки гранита, древние камни, остовы колонн.

Все, что осталось... И уже невозстановимо.

Там, в деревне за холмом, громко играет радио в магазине для туристов. Автобусная остановка с надписью на арабском и английском «Добро пожаловать в Загазиг!» пуста.

Туристические автобусы в деревушку Загазиг давно уже не приезжают ни из Хургады, ни из Каира. Путь неблизкий, да и дороги стали опасны.

Стреляют на дорогах. Война на всех границах — в Сирии, в Ливии, да и тут в Нижнем царстве о покое забыли.

Но холм, поросший травой, засыпанный песком, усеянный обломками гранитных колонн великого храма, зияющий, как ранами, ямами старых археологических раскопов, знать ничего не хочет ни о войне на границах, ни о том, что на проселочных дорогах все чаще появляются банды и грабят грузовики и фуры, нападают на полицейских.

Холм Телль-Баста наблюдает за солнцем, опускающимся за линию горизонта, наблюдает сотней глаз, прекрасных и древних.

Жук скарабей катит неумоимо и шустро вонючий шарик. Катит шарик, пятится задом, суча лапками —

по песку, по склону холма, среди травы и по небу, лавируя меж редкими облаками.

Кому-то ведь пришлось в голову сравнить ярчайшее ослепительное солнце с этим вот комочком навоза, что так быстро катит жук — скарабей священный!

Солнце — лишь комочек навоза. И Око Ра...

Сегодня оно на закате пугающе великолепно — не замутнено никакими сомнениями, тускло-багрово, исполнено ярости, решимости, тоски и ожидания.

Вот-вот что-то произойдет.

Что-то случится.

И солнце — комочек навоза — всевидящий глаз — это предвкушает и ждет.

На холме Телль-Баста, заброшенном и безлюдном, когда-то в незапамятные времена располагался город, славившийся великим храмом богини-кошки Бастет, которой поклонялся весь Египет.

От него ничего не осталось. Лишь прах, пыль, песок.

Но кошки... ах да, деревенские и просто бродячие... боже, сколько же их здесь? Одна, вторая, седьмая, десятая... более двадцати двух особей.

Кошки приходят сюда на закате, вспрыгивают на обломки колонн. И сидят. Долго сидят. Пережидают закат, краткие сумерки и словно растворяются в темноте ночи.

Но нет, они все еще здесь. Глаза горят, посверкивают в темноте, как угольки.

Кошки бдят. Сидят, не издавая ни звука — не мурлычат, не мяукают, не орут.

Кажется, что и друг на друга они не обращают внимания. Но зорко, зорко следят каждая за каждой. И за всем происходящим вокруг. Как жук — священный скарабей — катит свой навозный шарик, словно солнце по небосклону. Как шуршит сухая трава, как цикада поет, как падают капли со стен храмового колодца.

Девять жизней у кошек.

И они длинные, порой растягиваются на века, на тысячелетия, складываясь, продолжаясь.

Поэтому кошки помнят все.

И они не питаются падалью.

Вон там за холмом в песке валяется обглоданный, выбеленный солнцем скелет. Уже и не поймешь сразу, чей — человека или животного.

Но кошки и ухом не ведут. Им до старых костей нет дела. Но память у них длинная, как все их девять бесконечных жизней. Они помнят причиненную боль. И мстят.

Когда-то давным-давно, когда еще храм Бастет существовал, кошек тут лелеяли и ублажали.

Может, поэтому через столько веков их тянет сюда, на старое место?

Но, возможно, есть и какая-то иная причина. Этот вот багрово-тусклый, исполненный ярости и боли закат, например...

В глуши пустыни, где только радио играет в деревенском магазине и где-то далеко, очень далеко слышна орудийная канонада, закат сулит что-то важное, что вот-вот произойдет.

И кошки холма Телль-Баста это знают. Они явились сами по себе из ниоткуда поглядеть, *как оно все будет*.

Одна из кошек молниеносно протягивает лапу к священному скарабею, неосторожно подкатившему свой навозный шарик слишком близко. Выпустив когти, кошка переворачивает жука на спину и разрывает его пополам.

Глава 2

ЖИЗНЬ ДЕВЯТАЯ, ПОСЛЕДНЯЯ

— Боже мой, я не могу на это смотреть! Кто это сделал? Это такой ужас... чья-то чудовищная злоба... Кто это сделал с ними?! За что?!

Женский вопль разнесся по всей гостинице, по всему «Приюту Любви». Но кричать уже бесполезно, как и звать о помощи.

Все было кончено. Да, с этой удивительной «Планетой» разделались разом.

Скорченные трупы валялись всюду, словно после газовой атаки.

Пахло смертью. Воняло экскрементами. Агония несчастных, видно, была страшной.

— Кто-нибудь, ради бога, позвоните в полицию! И помогите мне, я... я, кажется, сейчас упаду!

Веру Вадимовну Суркову — бессменного президента «Планеты кошек» — еле успели подхватить коллеги, иначе, хлопнувшись в обморок, она разбила бы себе лицо об угол железной клетки.

А ведь начиналось все прекрасно. Эти два майских дня — суббота и воскресенье — стали апогеем славной истории «Планеты кошек» — клуба любителей элитных пород — абиссинской, бурманской, бенгальской, персидской.

Две недели по всему подмосковному Красногорску радовали глаз красочные рекламные щиты «Добро пожаловать на Международную выставку кошек! Выставка-продажа элитных котят! Лучшие представители пород из двенадцати стран!».

С рекламных щитов на прохожих и уличную суету глазели котята с умильными улыбочками мордашками. И от одного взгляда на этих крохотных пушистых малышей становилось тепло и радостно на душе.

Хотелось завести себе вот такого же котенка! Черт возьми, да! Ну конечно же — котенок, и дети всегда просили «мам, ну мам! котеночка», и свекровь, обалдевшая от одиночества и больной щитовидки, всегда намекала, что «если бы вот ей кошечку подарили, то сразу бы стало не так тоскливо дома одной». И муж... он хоть всегда и заявлял безапелляционно, что он

«против животных в доме», а тоже при виде такого вот мохнатого клубочка с ушками не устоял бы.

И, рассудив так, прохожий... точнее, проходящая, спешащая по своим делам женщина останавливалась на секунду у рекламного щита, смотрела на котенка и умилялась.

А в первый день выставки, в субботу, городской Дворец культуры просто не вместил всех желающих посетить международную выставку кошек. К кассам выстроились хвосты очередей.

Приходили семьями, с детьми, приходили женщины, подруги, пенсионерки, студентки, приходили школьники, приходили отставные военные, домохозяйки, офисные клерки, продавщицы, парикмахеры, приезжали на автобусах и своих машинах из Москвы — провести отличный день на выставке, посмотреть на кошек со всего света. И, быть может, купить себе во-он того махонького, рыжего, что безмятежно спит в демонстрационной клетке, раскинувшись всеми лапками, показывая миру упитанное пузцо.

И, естественно, клуб «Планета кошек», вот уже почти десять лет базировавшийся именно здесь, в подмосковном Красногорске, построивший под одной крышей ветеринарную клинику и гостиницу для кошек с нежным названием «Приют любви», оказался в самом эпицентре выставочной лихорадки.

Именно усилиями клуба международная выставка и была организована. Приехали не только члены клуба, владельцы клубных производителей, но и многочисленные участники выставки со всех концов страны — из Питера, из Ростова, из Нижнего Новгорода, с Урала, из Белоруссии и Украины, из Литвы, Польши и Азербайджана.

И словно населения в эти выходные в подмосковном городе прибавилось. Кафе и рестораны были забиты, две местные гостиницы написали на своих

сайтах в Интернете, что «свободных номеров нет». Многие из участников выставки остановились в Москве и в соседних районах Подмоскovie — кто у родственников и знакомых, кто в гостинице, кто на съемной квартире. Но своих питомцев многие были вынуждены на время выставки поместить в кошачий «Приют любви», потому что въезжать на съемную квартиру или в номер отеля с кошками категорически воспрещалось.

Владельцы кошек, заявившие об участии в выставке, вместе с программой получали пухлую пачку отскеренных листов, обязательных для ознакомления. Постороннему человеку и разобраться-то не просто, что там написано:

Открытый класс и выше. Литер класс — не менее 3 котят 10–12 недель.

Юниоры.

Кастраты и домашние кошки.

Обязательный перечень требований к представителям породы.

WSF-ринги.

Монопородные ринги — абиссинская, бурманская, бенгальская, персидская, мейн-кун, экзоты.

ВНИМАНИЕ! *Продажа котят в одной клетке с животным, заявленным на экспертизу! В одной клетке допустимо не более трех котят при наличии родословных документов.*

Котятам моложе 10 недель находиться на выставке запрещено!

Лист регистрации с пометкой и сканированной квитанцией об оплате обязателен!

Просмотр каталога — зал №2.

На трех и более животных одного владельца скидка 10 процентов.

Рекламный класс для членов клуба БЕСПЛАТНО!

Продажа котят для членов клуба — БЕСПЛАТНО!

Читая всю эту восхитительную специфическую ахинею, члены клуба и участники выставки отлично все понимали. А кто не понимал, тут же доверчиво спрашивал и уточнял в окошке информации. Профессиональный жаргон членов клуба любителей кошек и просто горячих энтузиастов кошачьего дела... да, великого кошачьего дела, могучего международного движения, почти что масонской ложи «Котофей Востока и Запада» радовал ухо непосвященных.

А любопытный праздный народ... простые посетители выставки слонялись по огромному фойе Дворца культуры, тесно заставленному выставочными столами с установленными клетками, и смотрели.

Как там внутри кипит, мурлычет, выгибает атласные спинки, жмурит изумрудные глазки, мяукает, играет с плюшевой мышкой, выпускает когти, облизывает бархатные лапки *жизнь*.

Никто из посетителей, гостей, участников, организаторов выставки и членов клуба «Планета кошек» тогда и не догадывался, что эта жизнь на самом деле та самая — девятая, последняя.

Фразу о том, что у кошки девять жизней, повторяли на выставке сотни раз. Но что эта вот — девятая и есть, а за нею ничто, пустота, ужас и боль, не догадывался никто.

А может, кто и догадывался. Даже предвкушал. Это еще предстояло выяснить.

В воскресенье на моноринги представителей элитных абиссинской и особенно бенгальской пород, стоивших сумасшедшие деньги, приехали поглазеть, полюбоваться богачи, представители столичной элиты, в основном жены и любовницы.

Возле Дворца культуры на автостоянке припарковались «Ягуары», «Бентли», «Порше» и «Мерседесы».

Моноринг абиссинок очаровал всех своими участниками. Кошки абиссинской породы — такие ма-

ленькие пумы, сочного песочного, медового окраса, с огромными глазами, точно подведенными египетской тушью. Грациозные, изящные, с короткой шелковистой шерсткой.

Клуб «Планета кошек» показал на моноринге лучших своих представителей породы.

Бессменный президент клуба Вера Вадимовна Суркова во время демонстрации породы чувствовала, как на глазах ее закипают слезы восторга. Она обожала абиссинок. Чрезвычайно популярная в Европе и Америке порода еще была в новинку у нас в России. И Вера Вадимовна поклялась, что исправит эту ошибку. И вот такой успех моноринга! И сразу три чрезвычайно удачные сделки для клуба на продажу котов-производителей и кошек-мам!

Моноринг бенгали вызвал вообще небывалый ажиотаж и приток зрителей. Красногорской ГИБДД даже пришлось перекрывать уличное движение, потому что хвост очереди уже не помещался на тротуаре.

Если абиссинки — маленькие пумы, то бенгальские кошки — это мини-леопарды. Невыразимо прекрасная пестрая пятнистая расцветка. И не поймешь сразу, кто это — настоящая киса или прирученный дикий зверь из джунглей смотрит на тебя мудро и нежно янтарными глазами.

Котят бенгальской породы, стоивших почти что целое состояние, тут же после моноринга приобрели два клуба из Литвы, два с Украины и частные лица — звезда телесериала «Вдвоем по жизни», звезда ледового шоу «Танцы на льду» и певец шансона Мефодий, приехавший в Красногорск на выставку элитных кошек на автомобиле «Хаммер».

С бешено популярным и эксцентричным певцом Мефодием, облаченным в шотландский килт и гусарский ментик с золотым шитьем, Вера Вадимовна имела долгую беседу.

— Вы приобретаете элитного котенка бенгальской породы, молодой человек, но я должна предупредить вас...

— Да это кот всем котам кот! Тигр! Пантера!

— В каждом котенке-бенгали есть гены диких представителей семейства кошачьих, хищников. Это плод скрещивания дикого азиатского кота и...

— Не пудрите мне мозги, мамаша! Сразу говорите, хау мач? Сколько?

— Вы хотите купить одного из лучших представителей породы, жемчужину нашего клуба. Мы надеялись этим котенком пополнить наш клубный генофонд.

— Я плачу двойную цену!

— Но вы берете его в качестве домашнего питомца. И если вы намерены кастрировать его, то...

— Да ни боже мой! — Глаза Мефодия сверкнули, а рыжие усики встопорщились, даже килт заколыхался над голыми волосатыми ногами в носках и тяжелых армейских ботинках. — Да кто вам сказал, мамаша, что я позволю превратить своего кота в евнуха? Какая, к черту, кастрация?! Пусть гуляет где хочет, пусть трахается, сколько и где захочет! У меня дом загородный в Одинцово, участок ого-го, там этих ваших кошек бродячих...

— Трахаться, — Вера Вадимовна кротко улыбнулась певцу Мефодию, — ваш кот будет приезжать к нам в клуб. И, возможно, мы будем делать забор его спермы для искусственного оплодотворения наших клубных чемпионок.

Мефодий сказал «ОК!», подмигнул, как он подмигивал провинциалкам-зрительницам со сцены, и пошел в офис за демонстрационным залом подписывать договор купли-продажи и платить за драгоценного котенка через кассу.

Вот в этот самый миг Вера Вадимовна и почувствовала: нет, не может все так хорошо, так отлично скла-

дываться — и выставка, и ринги пород, и перспективы клуба, и вообще будущее, жизнь.

Где-то... где-то есть подвох... а может, и большая беда...

Но жизнь вокруг была ключом, кипела, мурлыкала, мяукала, точила коготки о специальные подставки, шипела на сородичей, тыкалась мордочкой в материнский тугой живот, по привычке ища соски, ходила по-маленькому в специальный кошачий туалет с наполнителем, хрустела кормом, пыталась заигрывать с жизнью в соседней демонстрационной клетке, протягивая к сетке бархатную лапку.

Десятки кошек сидели, лежали, валялись лениво и празднично, спали, притворялись, что спят в демонстрационных клетках и на руках своих владельцев.

Вера Вадимовна почувствовала, как слезы вновь наворачиваются на глаза. Она любила этих удивительных существ. Она обожала кошек. На склоне лет оставшись в одиночестве, она всю себя отдала вот им, клубу «Планета» и гостинице «Приют любви».

Перед окончанием субботнего выставочного дня она сама лично просмотрела списки заявок участников на следующий выставочный воскресный день и по компьютеру проверила наличие свободных мест в кошачьей гостинице. Очень много участников были вынуждены на ночь поместить своих питомцев туда.

Мест, как водится, хватило не всем желающим. Кошачья гостиница рассчитана на тридцать мест. Но лишь в выставочные дни она заполнялась вот так целиком. Семь кошек уже занимали кошачьи домики — это были платные постояльцы, питомцы хозяев, которые уезжали кто в отпуск, кто в командировку.

Двух — кошку и кота — их хозяева как раз планировали забрать утром в воскресенье, а это означало, что в «Приюте любви» освобождалось два кошачьих

домика — уютных, из розового плюша. Кроме этого места еще были и в демонстрационных клетках.

«Приют» закрывался в девять вечера, перед этим уборщица кормила питомцев и запирала гостиницу на ночь. Через стену в ветеринарной клинике клуба дежурный ветеринар работал до полуночи и затем лишь выезжал по срочному вызову на дом.

Воскресный выставочный день для Веры Вадимовны должен был начаться в восемь утра. Но в семь пятнадцать ей позвонила дежурная, явившаяся в «Приют любви» на утреннюю уборку и кормежку кошек.

Дежурная не могла говорить — плакала, заикалась от рыданий.

Вера Вадимовна, неумытая, непричесанная, выскочила из дома, ошалело поймала частника на остановке и рванула...

Там, в «Приюте любви» трупы были повсюду — в демонстрационных клетках, в розовых плюшевых кошачьих домиках.

Скорченные, сведенные судорогой тела.

Этот ужасный, ни с чем не сравнимый запах смерти, массовой гибели.

— Освенцим... — рыдала дежурная. — Я дверь открыла, а они все мертвые. Кто же это сотворил... чья же злоба...

Вера Вадимовна еще помнила, как закричала, чтобы кто-то... ну хоть кто-нибудь помог, вызвал полицию.

А потом она уже не помнила ничего, ибо провалилась, как в яму.

Очнулась она в «предбаннике» «Приюта любви». Дежурная и еще какие-то люди — члены клуба и владельцы кошек, Вера Вадимовна не сразу их узнала, так все плыло перед ее глазами, хлопотали вокруг нее бестолково, но активно, пытаясь привести в чувство.

В дверном проеме показались люди в полицейской форме.

Видимо, уже приехал патруль.

И еще там была девушка — высокая и светловолосая.

Вера Вадимовна протянула к ней руку, приняв за следователя, и прошептала:

— Помогите, прошу вас!

Глава 3

ГДЕ-ТО МЕЖДУ ДЕВЯТОЙ И ВОСЬМОЙ — НА ГРАНИ. ЗАПАХ ВАЛЕРЬЯНКИ

В этот майский солнечный воскресный день, точнее утро, Катя Петровская — криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, капитан полиции особо работать не рвалась и рассчитывала закончить намеченное быстро. А потом на обратном пути набросать на походном ноутбуке статью для «Криминального вестника Подмосковья» и благополучно скинуть ее по электронной почте.

«Криминальный вестник» окончательно перешел в электронный формат, и это всех его корреспондентов, в том числе и криминального обозревателя пресс-центра ГУВД Екатерину Петровскую (по мужу Кравченко), до безобразия избаловало. Наколотить материалчик стало делом плевым — главное, чтобы факты были убойными, свежими и сенсационными. Если таковых не возникало, годилась любая новая информация. Вот, например, как сегодняшнее событие — открытие в Красногорске новенького, с иглолочки, отделения полиции. Почти что праздничное воскресное мероприятие с последующим скромным банкетом.

Съемочная группа пресс-центра ГУВД и Катя во главе нее отправились на машине из Главка в Красногорск к половине девятого утра. А уже в десять Катя

намеревалась накатать наспех помпезный материал об открытии отдела милиции и достижениях в области современных технологий на службе правоохранительных органов и по-тихому смыться.

То есть улимонить оттуда. Во-первых, потому что делать в отделении таким великим профессионалам криминального репортажа, как она (!), просто больше нечего. А во-вторых, потому что ее в Москве ждала подружка Анфиса. Да, они договаривались еще в прошлый четверг — встретиться, как только выпадет свободный денек.

Подружка Анфиса Берг, по профессии художник-фотограф, начинала какой-то новый проект, и ей не терпелось обсудить это с Катей. А Катя просто соскучилась по подружке Анфисе. Так давно не виделись. Ради Анфисы Катя и решила улизнуть с работы.

Однако едва лишь они поймали в машине по рации *то самое сообщение*, эти ее планы сразу испарились.

Они уже поворачивали с Волоколамского шоссе, как в машине телегруппы сработала рация:

Второй экипаж на маршруте? Поступил вызов с Северной Магистральной, одиннадцать. Массовое убийство животных в зоогостинице при ветеринарной клинике. Проверьте вызов. Участковый туда уже направляется.

Голос дежурного по УВД — строгий, деловитый.

Затем еще голоса в рации:

— Что там еще за дерьмо на Северной Магистральной?

— Боюсь, что опять то же самое, как и в апреле. Тут ведь выставка котов вовсю.

— Да знаю я, что выставка, моя благоверная там дежурила вчера. Кто сообщил?

— Хозяйка гостиницы или нет... эти малахольные кошатники, члены клуба.

— Ладно, я уже спускаюсь, скоро буду. Оборудование взял. И скажите Вовке, как увидите, чтобы он в истерику не впадал. А то получится как в прошлый раз.

Массовое убийство... От этой фразы члены телегруппы в машине сразу притихли. А Катя ухватила рацию. Но все, отбой, больше никаких сообщений и переговоров в эфире.

Из диалога она поняла — патрульные говорят с экспертом-криминалистом, который выезжает со своим оборудованием на место происшествия. И нервным тоном просит «сказать» какому-то Вовке, чтобы тот «не впадал в истерику».

Катя раздумывала лишь пару секунд. *Массовое убийство...* Этаким противный холодок пополз по позвоночнику.

— Ребята, меня завезите, пожалуйста, на Северную Магистральную.

— А как же открытие отделения? — спросил Катю оператор.

— Вы езжайте туда, все отснимете. Я потом приеду с местными сотрудниками и напишу текст.

— А в этой зоогостинице материал для теленовостей.

— Вот именно, — Катя открыла в планшете «карты». — Что-то у вас с навигатором, тут направо надо сворачивать между во-он теми высотными домами. Отделение новое стоит себе и стоит, никуда не убежит от нас. К тому же с Магистральной все равно потом поедут туда — и эксперт, и участковый.

Что называется — логика железная. Никто и не думал возражать. Телевизионщики! Их бог — сенсация для теленовостей!

Два одноэтажных здания приятного фисташкового цвета под крышей из металлочерепицы на самом краю новой улицы — еще толком не обжитой, со строительными заборами и многоэтажными жилыми корпуса-

ми, еще не заселенными. Дальше — поле, еще дальше зеленеет кромка леса. На поле специально огороженная площадка для выгула собак.

У зданий фисташкового цвета — несколько машин, в том числе и патрульный «Форд» полиции. Возле него и припарковались.

Катя прочла вывеску: «Ветклиника. Зооотель «Приют любви».

Дверь сбоку открылась, и она увидела патрульных в полицейской форме и услышала громкие рыдания.

Женщина плакала так, словно у нее разрывалось сердце от горя.

Оставив телегруппу объясняться с патрульными, Катя тут же просочилась, ввинтилась буквально внутрь и...

Едва не задохнулась от едкой вони, что ударила в нос, — запах кошачьей мочи, еще какой-то гадости и что-то приторное, разлитое в воздухе, очень знакомое, но в сочетании с запахом смерти бесконечно гадкое.

— Что здесь произошло?

— Вы хозяйка питомника?

Катя в эту минуту даже не поняла, кто ее спросил. В узком коридоре, куда она попала с улицы, толпился народ — в основном женщины, и все они плакали, голосили как по покойнику. На стуле под разноцветными плакатами сидела женщина в ярком желтом плаще — немолодая крашенная брюнетка, явно в обморочном состоянии. Вокруг нее суетились, подносили к носу пузырек с нашатырем, пытаются привести в чувство.

От нашатыря она вздрогнула, открыла глаза и внезапно протянула к Кате руку, что-то бессвязно бормоча.

— Вы хозяйка? Боюсь, что вы уже не хозяйка. Они там все мертвы. Ни одного живого, — раздался позади мужской голос.

Катя оглянулась. За ее спиной стоял молоденький, хрупкий, как тростинка, участковый. Фуражка на нем — гигантских размеров, как такую только выдали на складе обмундирования, прямо генеральская фуражка. Паренек рыжий и с веснушками. Но сейчас все веснушки словно полиняли, такой он был бледный.

— Я капитан Петровская Екатерина, мы со съемочной группой приехали из Главка на открытие вашего отделения и поймали сообщение о происшествии.

— Лейтенант Миронов. Участковый уполномоченный.

— Лейтенант, что тут случилось?

— Сейчас сами увидите. Если нервы у вас крепкие.

Они пошли по коридору, идеальной чистоты, открыли стеклянную дверь и попали в просторное помещение с высоким потолком, заставленное небольшими клетками, в которых размещались круглые домики для кошек.

А потом Катя увидела самих кошек.

На полу каждой клетки — скорченный труп.

Кошки, коты, взрослые особи и совсем молодые котята. В каждой клетке — мертвец. Катя сбилась со счета.

— Ой, мамочка, да что же это... Может, это вирус какой-то? Чумка?

Участковый Миронов присел на корточки перед одной из клеток с розовым домиком внутри.

На полу клетки валялся труп крупного дымчатого кота в темных полосках и пятнах.

В уголке клетки Катя увидела какие-то красные ошметки. Ей стало дурно.

Она закрыла рот рукой.

Сзади послышался энергичный громкий голос:

— Пропустите, попрошу не мешать!

В зал с клетками вошел еще один рыжий паренек постарше, в полицейской форме, с веснушками, без

фуражки, зато с увесистым криминалистическим чемоданом на ремне — походной кримлабораторией.

— Вовка, не сходи с ума! — бросил он участковому с ходу. — И не вздумай сразу к *нему* ехать. Все равно толку не будет, пока у нас нет прямых доказательств.

Катя поняла — это тот самый эксперт-криминалист из рации. А участковый — тот самый Вовка. Лейтенант Миронов. Мальчик-одуванчик.

— Убью его! Убью эту гадину.

Мальчик-одуванчик вскочил, точно подброшенный пружиной, и схватился за кобуру.

Он ринулся назад к выходу.

— Вы кто по званию? — гаркнул эксперт опешившей от неожиданности Кате.

— Я? Я к-капитан.

— Так скомандуйте ему, меня он не послушает! Остановите его, не видите, он на все готов, сейчас рванет к *нему* и пулю в лоб!

— Лейтенант Миронов! — закричала Катя во всю мощь своих легких. — Вы что себе позволяете! Спрячьте оружие.

Участковый обернулся. Оружие табельное, впрочем, он так и не достал.

— Остынь, братишка.

Сказал эксперт мягко, и тут Катя поняла, что участковый и криминалист — братья: младший и старший.

В кошачью мертвецкую с розовыми домиками вошел патрульный.

— По какой статье? — спросил он. — Опять как в тот раз? Жестокое обращение с животными и уничтожение имущества?

— Других статей для этого пока не изобрели, — ответил участковый Миронов, он взял себя руки — бледный, тоненький, как былинка. — Сколько кошек погибло? Успели опросить?

— Главная ихняя президентша клуба еще пока не коммуникабельна и не транспортабельна, — оповестил патрульный. — Можно сказать, шок у нее от потрясения. Там владельцы съезжаться начали, эти, которые с выставки, сюда рвутся в зал. Рыдают.

— Не пускать никого, я осмотр делаю, — велел эксперт-криминалист. — Так сколько же тут всего было кошек?

— Вот я узнал, — подошел второй патрульный, свежаясь с блокнотом. — Гостиница кошачья на тридцать мест. Семь котов у них по договору на постое, плюс эти, которые с выставки, плюс они места дополнительные выделили. Так что всего где-то тридцать... нет, тридцать четыре.

— Считай, — велел эксперт.

И патрульный пошел вдоль клеток.

— Это вот что, по-вашему?

Катя, втайне уже мечтающая о том, как бы поскорее выбраться из этого могильника на свежий воздух, поняла, что участковый обращается к ней.

Он взял у брата-эксперта резиновые перчатки, открыл клетку кота и пинцетом подхватил те самые кровавые ошметки, на которые было тошно смотреть.

— Я не знаю, — Катя отшатнулась от пинцета.

— Это куриная печенка. А запах? Нет, вы понюхайте.

И нюхать нечего — та же знакомая вонь, в сочетании с запахом смерти просто убийственно мерзкая.

— Ой, да это же валерьянка! — воскликнула Катя.

— То-то и оно, умно придумано. Куриная печенка в виде приманки, да еще валерьянкой полили. Вот они все и сожрали. Все до одного сожрали приманку, никто, никто не отказался. Такое лакомство. Приманкой их всех и потравили.

— Яд? — Катя смотрела на остатки куриной печени уже более спокойно. Раз определили, что это не чьи-то кошачьи внутренности, то...

— Заберем на экспертизу, проверим. Кажется, использован стрихнин, — сказал эксперт, забирая у брата-участкового пинцет с образцом-вещдоком.

— Кто же до такого додумался?

— Кто... хитрый, умный безжалостный гад, — сказал участковый. — Гадина проклятая.

— Вы знаете, кто это сделал?

Но Катя не получила ответа.

— Тридцать три! — донеслось из конца зала. Это патрульный известил о количестве погибших животных. — И дверь на лестницу в подвал настезь. Я пойду проверю.

— Я с тобой, подожди, — участковый заспешил к патрульному.

Брат-эксперт остался в зале продолжать осмотр.

— Даже если отыщем прямые доказательства, — сказал он, — много ЕМУ все равно не дадут.

— Кому?

Но Катя и в этот раз не получила ответа на свой вопрос. Стеклянная дверь из коридора с грохотом открылась, и, несмотря на сопротивление патрульного, в зал с клетками вошли две женщины.

Та самая пожилая брюнетка в желтом плаще и...

Катя решила сначала, что с ней ее дочь — высокая, под метр девяносто, стройная, тонкая, длинноногая, рыжая, на аршинных каблуках, в цветных молодежных легинсах, алом коротеньком тренче и широкополой шляпе.

Но вот свет из окна упал на ее лицо, и сразу стало ясно, что великолепные рыжие волосы, рассыпавшиеся по плечам — это парик. У женщины с фигурой двадцатилетней девушки было лицо шестидесятилетней — густо, ярко, профессионально покрашено.

Но морщины и пигментные пятна сквозь тон и пудру проступали лишь резче, а подведенные тушью глаза слегка косили.

— Я должна их увидеть! Пустите меня к ним! Они мои дети... О, что же это такое... за что? Кому они что сделали плохого?!

Брюнетка в желтом плаще дотрагивалась до клеток с мертвыми кошками.

— Мертвые все...

— Вы председатель клуба? — спросил ее эксперт.

— Она президент клуба и хозяйка гостиницы, а ветериника у клуба на паях с банком, — ответила прокурренным басом рыжая шестидесятилетняя красotka в шляпе. — Верочка, ну успокойся, не убивайся ты так!

— Не уберегли мы их, нам их доверили, а мы их не уберегли!

— Какой тут у вас режим работы? — спросила Катя.

Вера Вадимовна Суркова обернулась к ней:

— Помогите нам, умоляю вас! Найдите того, кто это сделал.

— Мы найдем, — пообещала Катя

Конечно, не ее дело — чужой в Красногорске — раздавать вот такие обещания. Но эта женщина сказала «умоляю вас».

— Как работает персонал? Сколько у вас народу котов обслуживает?

— Дежурная утром приходит в семь, убирает клетки, кормит животных, а в четыре ее другая девочка-волонтер сменяет. Та до девяти. Она тут все потом закрывает на ключ.

— А ночью?

— Ночью? Нет, кого ночью работать заставишь, это к тому же двойная оплата. Клуб так по миру пойдет, — громыхнула басом красавица в шляпе.

— Как называется клуб?

— «Планета кошек».

— И, значит, у вас нет никакой охраны ночью? — допытывалась Катя.

— Это ж кошки, а не туристы, — хмыкнул эксперт. — Какая охрана кошкам, это не банк. Тут у них и камер нет. Гражданочка президент, а замки, что с замками?

— Ничего, дежурная своим ключом открыла дверь, как обычно, сегодня утром, она мне так сказала, — Вера Вадимовна смотрела на розовые домики.

— А что у вас в подвале?

— Холодильник и так, всякий хлам от стройки остался.

— А холодильник для чего?

— У нас же ветклиника, все бывает, усыпляем животных и, ну вы понимаете... пока ждем утилизацию, туда складывают, в холодильник, до похорон и кремации.

— Подвал всегда заперт?

— Конечно!

— А у кого ключи?

— У меня, у дежурной. И у волонтеров, которые приходят помогать ухаживать за кошками. Они ключи у дежурной берут.

— У каких еще волонтеров? — это спросил участковый Миронов.

Они с патрульным, запыхавшиеся, в известке и пыли, вернулись в зал.

— У меня, например, я волонтер. Я тут подрабатываю уборщицей, — гордо, с вызовом, сказала шестидесятилетняя красotka в шляпе. — А что? Пенсия-то фиговая. Моему Бенедикту на кошачьи консервы не хватит этих грошей.

— И сейчас запасные ключи при вас? — спросил Миронов.

Красotka порылась в сумке и достала ключи.

— Пожалуйста, я как раз сегодня дежурной хотела отдать.

— Как ваши фамилия, имя, отчество?

— Это наша Василиса! — воскликнула Вера Вадимовна Суркова. — Она моя ближайшая подруга.

— Василиса Одоевцева. Пенсионерка. Живу тут, в Красногорске. Высотные дома.

Участковый Миронов забрал у нее ключи, записал имя, фамилию и сказал:

— Там обе двери настежь в подвале — сюда, наверх, и входная. Замок на входной двери сломан.

— Ох, час от часу не легче, — Василиса всплеснула руками. — Но дверь в подвал мы всегда запираем.

— Я знаю, — мрачно сказал участковый Миронов, — так какой тут у вас распорядок дня для кошек? Во сколько вчера дежурная все закрыла и заперла?

— В половине десятого. У нас ринги на выставке кончились в шесть, потом пока оформляли документы на продажу котят, пока с новыми владельцами договаривались, затем я список постояльцев смотрела — на одну ночь иногородние владельцы нам своих питомцев оставили до воскресенья, до сегодня то есть, до демонстрации. Они все уже там, за дверью. Я не знаю, что им говорить, как смотреть людям в глаза. Я не уберегла их кошек! Что теперь будет? Как мы возместим все убытки? Все, что за выставку клуб заработал, уйдет на возмещение, даже больше... мы разорены... Придется наших чемпионов продавать другим клубам, отдавать наши бесценные сокровища, наш генофонд.

Вера Вадимовна заплакала, как ребенок.

— И гостинице каюк, — мрачно изрекла Василиса. — Кранты «Приюту любви». Кто теперь сюда кошку отдаст хоть на час?

И тут лишь Катя заметила красочный рекламный плакат на стене над столом дежурной.

Гостиница для кошек «Приют любви». Оказывает услуги по временной передержке. Все кошки содержатся в индивидуальных номерах. Все удобства, полный комфорт! Наши маленькие друзья нуждаются в том, в чем и мы, — заботе и ласке, тишине и покое. В «Приюте любви» все условия для полноценного кошачьего отдыха. Чистый воздух Подмосковья. Ветеринарная помощь. Квалифицированные советы по уходу от специалистов клуба «Планета кошек», неоднократно отмеченного международными призами!

— Вынужден вас спросить, вы сами кого-нибудь подозреваете? Кто вам такое мог устроить? Может, зависть к клубу, конкуренты? — спросил участковый Миронов.

— Да нет, что вы, кто на такое злодейство способен! Ну, конечно, успехам «Планеты кошек» завидовали, и недоброжелателей хватало, и завистников. Но это же обычное житейское дело, в порядке вещей — людская зависть. А тут орудовал какой-то живодер! Убийца! — кроткая интеллигентная Вера Вадимовна сжала кулаки с наманикюренными ногтями. — Это запредельная жестокость. Разумеется, есть люди, которые кошек не любят, у которых аллергия на шерсть. Но чтобы вот так вломиться и разом прикончить всех... всех наших обожаемых деток, пушистых, нежных...

Она снова заплакала, а участковый Миронов засопел. По его лицу Катя поняла — он задал чисто риторический вопрос о «подозрении». Ответ на него его не интересовал. Потому что у него — своя собственная версия происшедшего. Он с ней в «Приют любви» явился.

«Конечно, послали мальчишку участкового на такое дело. И второго мальчишку — эксперта. Это же кошки, не люди, — Катя бережно повела Веру Вадимовну к выходу. Ей самой не терпелось покинуть «Приют любви» и наконец глотнуть полной грудью

«чистого воздуха Подмосковья». — Послали на вызов новичков. Из розыска никто не приехал, все, кто в воскресенье дежурит, на открытии нового отделения».

Очутившись за дверью зала, Катя вместе с Верой Вадимовной и красавицей Василисой сразу же оказалась в плотном кольце безутешных, разъяренных, рыдающих владельцев кошек, в одночасье лишившихся своих питомцев.

Что там творилось, словами не описать. Но и смотреть на этот скандал сквозь слезы Катя не собиралась. Телевизионщики быстро отсняли материал, они уже хотели ехать в отделение полиции, как внезапно внимание Кати привлекла новая посетительница «Приюта любви».

Женщина — крашенная блондинка лет тридцати пяти в строгом изящном сером костюме и плаще, который она держала в руке. Она приехала на черном «Вольво» с шофером. На таких машинах обычно разъезжает начальство. Катя и приняла ее за местную начальницу, однако все оказалось не так.

— Что здесь творится? Тут что, пожар?

— Дарья Олеговна, пожалуйста, одну минуту, выслушайте меня. Я сейчас вам все объясню. У нас огромное несчастье!

Тон у молодой дамы властный, а вот голос Веры Вадимовны, сраженной горем, шелестит, как сухая трава.

— Я приехала за Маркизом. Обещала в девять, но у нас самолет опоздал. Сами понимаете — ночной рейс из Владивостока.

— Дарья Олеговна, казните меня, но вашего Маркиза больше нет.

— Как это нет? Убежал, что ли?

— Мертв. У нас тут массовое убийство. Все кошки... все наши питомцы погибли.

— Мертв? — Дарья Олеговна приподняла тонко выщипанную бровь. — То есть сдох, что ли?

Вера Вадимовна смотрела на нее, и слезы катились по ее щекам.

— Ничего себе. Ну что же... земля ему пухом, маминому коту, — Дарья Олеговна переложила плащ с руки на руку. — Может, это и к лучшему.

— Как же так?!

— Я ведь все время на работе, в командировки летаю постоянно. Я занятой человек. А тут вдруг после смерти мамы на меня сваливается этот старый кот, который постоянно везде гадит. Я уж думала, как от него избавиться. Но усыпить... это как-то негуманно, мама души в нем не чаяла. Мучилась целый месяц с ним, вам вот пристроила на время командировки. А раз уж так вовремя сдох, то... — Дарья Олеговна улыбнулась.

И улыбка эта в «Приюте любви», насыщенном смертью и слезами, показалась всем, кто ее видел, такой...

Катя отвернулась и пошла к машине. Пора ехать снимать новое отделение полиции и достижения в области современных технологий.

— Надеюсь, Вера Вадимовна, ваш зоотель похоронит кота за свой счет, — донесся до нее резкий веселый голос Дарьи Олеговны. — Вы меня очень обяжете, всем моим хлопотам конец.

Глава 4 ЗАДОЛБЫШ

В новеньком, с иголки, отделении полиции телегруппу из Главка ждали с ревнивым нетерпением.

Катя радовалась: в кои-то веки от камер и ее вопросов не отмахиваются, как от назойливых мух, бывалые профи. Интервью записывалось, снималось обстоятельно, чинно-благородно, с демонстрацией помещений нового отделения, пахнувших ремонтом, отлично оборудованной дежурной части, компьютеров и мониторов уличных камер.

А записав на диктофон все эти победные репортажи, Катя снова увидела участкового Миронова. Он шел по коридору за начальником и что-то горячо ему докладывал, потрясая составленным протоколом.

— Нет, нет и еще раз нет. Без доказательств за ордером мы не поедим, — начальник остановился и оборвал тираду лейтенанта на полуслове, зычный бас его разнесся по всему новехонькому отделению полиции. — В тот раз в апреле пошли у тебя на поводу, послушали твою идею фикс. И что получилось? Ничего. Пшик без доказательств.

— Но я запись его в блоге читал! Свежую, вчера ночью появилась!

— В Интернете? И это все, что есть? Где доказательства, я спрашиваю, ты вот только что с места происшествия, из этой гостиницы «Кошкин дом», нашел прямые улики, что это его рук дело?

— Будет экспертиза...

— И она докажет наличие яда, хорошо, а ты нашел доказательства того, что *он* там был ночью?

— Пока нет, но я голову даю на отсечение, что...

— Никакого ордера на обыск нам повторно не дадут. В прошлый раз с обысками облажались. Нашли что-нибудь? Я тебя спрашиваю? На нем нашли? Следы бензина на одежде, на руках? В квартире, в гараже? Все ведь проверили. Он чистый оказался полностью. А я потом на совещании фонда «Правопорядок в действии» устал на возмущенные вопросы отвечать. Его отец — уважаемый человек, благодаря его усилиям дружина возрождена и активно нам помогает. Мы не можем вот так бездоказательно позорить его честное имя, третируя его сына. Я не знаю, Миронов, что у вас с этим парнем, может, неприязнь, может, он у тебя девушку увел, вот ты на него зуб и точишь.

— Его девушки пока не интересуют, — мрачно изрек лейтенант Миронов. — К счастью для нас. Но подо-

ждите, все впереди. Собаки бродячие, кошки — это только начало. Разминка перед большой кровью.

Начальник посмотрел на него, помолчал:

— Ступай и займись своими непосредственными обязанностями — сбором доказательств по преступлению. В понедельник все материалы представишь следователю. Дело возбудим, как и в прошлый раз.

И начальник пошел встречать «отцов города», приехавших полюбоваться на новое отделение.

Лейтенант Миронов остался один. Катя подошла к нему.

— А что тут было в апреле? — спросила она.

— Приют для бродячих собак сгорел. Поджог.

— У вас, лейтенант, есть конкретный подозреваемый?

— Есть. А что? — спросил он с вызовом.

— Начальник ваш прав. Одних голых подозрений мало. Нужны доказательства.

Лейтенант Миронов открыл дверь первого попавшегося пустого кабинета, кивком пригласил Катю, достал из кейса планшет Galaxy.

Пальцы его летали, едва касаясь экрана — участковый вовсю дружил с компьютерными технологиями.

— Вот, это что, вам не доказательство?

Лунная ночь. Смотрел на луну и на кровь. Кровь черная в лунном свете. Но пахнет все так же. Меня это дико заводит. Я весь полон радости и силы, я чувствую, что я живой!

Катя увидела запись в блоге или, может, в ЖЖ — Живом Журнале.

— И что это такое?

— Это он написал уже под утро, когда там, в «Приюте», все уже было кончено. Кошки сдохли.

— Но это лишь запись в блоге. И тут говорится про кровь, а не про яд стрихнин и не про куриную печенку, политую валерьянкой.

Лейтенант Миронов выключил планшет.

— Вы в Главк сейчас? — спросил он. — Подбросьте меня до МКАД, тут недалеко.

Катя смотрела на его лицо — веснушчатое и полное отчаянной решимости.

Она молча кивнула.

Погрузились в машину и поехали. Лейтенант Миронов дважды показывал, куда поворачивать. МКАД, огромные высотные дома посреди чистого поля — обычный пейзаж подмосковных новостроек.

— Вот здесь я выйду, спасибо, — сказал он, кивнув на пятнадцатизэтажный жилой дом с застекленными лоджиями и белыми телевизионными тарелками чуть ли не на каждой.

— Вы не против, если я и оператор пойдем с вами? — спросила Катя. — Возможно, снимем задержание по «горячим следам», а?

Она лукавила. Ей просто не хотелось сейчас отпустить туда... куда бы то ни было этого взрывного мальчишку одного. Она еще помнила ту сцену в «Приюте любви», когда его брат-эксперт просил ее, как старшую по званию, остановить его.

Мы коллеги. Мы должны помочь друг другу хотя бы в том, чтобы не наломать дров в горячке.

Дверь подъезда с домофоном. Участковый Миронов не стал звонить в квартиру — пустите нас, мы из полиции, сразу набрал код, словно бывал прежде в этом доме неоднократно.

На лифте поднялись на двенадцатый этаж. Лейтенант Миронов позвонил в квартиру.

Сначала долго никто не открывал. Потом дверь открыли, — Катя поняла, после изучения на мониторе домашней камеры, без глупых вопросов: кто там?

В дверном проеме возникла фигура — мужчина высокого роста атлетического сложения — блондин с белесыми ресницами и бровями, этакий викинг во плоти — в домашних тапочках, с газетой. Под футбол-

кой перекачиваются бугры накачанных мышц, как у штангиста-тяжеловеса.

— А, Вова, это ты. Ну здравствуй, Вова.

Голос у мужчины — спокойный, низкий, приятный. Да и внешность — очень даже приятная мужская внешность. Этакий «настоящий полковник», казак, орел удалой.

— Ваш сын дома? — спросил сухо лейтенант Миронов.

— Он на работе.

— Сегодня воскресенье.

— Музей по воскресеньям открыт, — мужчина усмехнулся. — Должен знать.

— Где ваш сын был сегодня ночью?

— Где? Конечно же, дома. Со мной. Он у меня по клубам ночным не шляется, как некоторые.

— Сегодня ночью убили всех кошек в зоотеле «Приют любви»...

— Ах ты, беда какая. А при чем тут мой сын?

Катя, помалкивавшая, лишь украдкой показывавшая оператору — снимай, снимай — видела их лица, их взгляды, сверлившие друг друга.

— Передайте вашему задолбышу, дядя Коля, что я все равно его достану. Рано или поздно.

— Передам. А ты, сопляк, запомни — еще раз явишься ко мне вот так, спусти тебя с лестницы. И не посмотрию, что ты теперь форму надел!

В лифте Катя спросила:

— Так это его сын ваш главный подозреваемый? Но отчего вы так уверены, что это его рук дело?

Лейтенант Миронов обернулся к ней:

— Потому что я точно знаю. Он и раньше это делал. Еще пацаном. Мы вместе росли, даже какое-то время дружили. Так вот он на этом повернут. Калечил собак, вешал кошек. Однажды затащил меня в старый гараж и хотел, чтобы я тоже... чтобы составил ему компанию. Я его тогда чуть не убил.

— И вы уверены, что он продолжает?
Лифт остановился. Лейтенант Миронов вышел.
— Я читаю его, — сказал он. — Я взломал его блог.

Глава 5

МЕЧТЫ О КРЕСЛЕ АУДИТОРА

Дарья Олеговна Юдина — хозяйка персидского кота Маркиза, нашедшего свою смерть, как и прочие кошки, в «Приюте любви», прямо из зоогостиницы на служебной машине поехала в свою квартиру в Красногорске. Она оставила там часть вещей, которые брала с собой в командировку во Владивосток, и на машине же отправилась в Москву, на квартиру своих покойных родителей в Романовом переулке.

Дарья Юдина в свои тридцать пять уже была боссом. По самым скромным ее расчетам примерно через год ей светило место старшего аудитора Счетной палаты, а в будущем, как знать, возможно, и кресло министра экономики.

Ее отец Олег Юдин был министром финансов в правительстве «реформаторов». Конечно, много лет с тех пор прошло, и отец давно уже на Кунцевском кладбище упокоился, и мать умерла два месяца назад. И эта вот родительская шестикомнатная квартира в правительственном доме в Романовом переулке теперь числится за ней, Дарьей Юдиной. И своя жизнь летит, как на парусах, — Финансовая академия, два года учебы в школе бизнеса в Лондоне, специализация на финансовых сделках с предметами искусства, год стажировки в администрации аукциона «Сотбис», работа в Министерстве финансов в Москве, работа в финансовом управлении аппарата правительства.

И вот новый поворот карьеры — Счетная палата, должность: ведущий эксперт по финансовым вопросам при главном аудиторе. Жизнь, расписанная на

месяцы вперед. Командировки, ответственные поручения, генеральные проверки исполнения статей бюджета, целевого использования средств и законности расходов. У нее была железная хватка и мозги, как компьютер, — это Дарья всегда знала о себе сама. И она гордилась собой.

В квартире родителей, а теперь ее собственной, в Романовом переулке, где жили все эти красные маршалы и командармы, Дарья скинула плащ в огромной прихожей с лосиными рогами над большим электрическим камином с антикварными часами. Аккуратно поставила сумку с багажом в шкаф — потом домработница разберет все, что в чистку, что в стирку. И пошла в ванную. О горячем душе она мечтала всю дорогу из аэропорта в Красногорск, в этот идиотский зооотель.

Кот Маркиз сдох. Наконец-то! Персидский, страдающий ожирением, глухой придурак — любимец матери уже никогда больше не будет встречать ее у порога, мяукая басом и требуя кормежки.

Кот Маркиз достался ей в наследство вместе с роскошной квартирой, мебелью, материнскими бриллиантами, картинами, этими вот уродливыми лосиными рогами в прихожей и всем, всем, всем, что входило в имущество бывшего министра финансов, слишком рано умершего от рака, чтобы превратиться в миллиардера.

О том, что отец ее, занимая такую должность, так и не стал олигархом, Дарья Юдина не жалела. А бывший муж вообще был не способен ни зарабатывать, ни работать, лишь мотаться по ночным клубам, снимать девок, летать на выходные в Майами и жрать наркотики. Дарья выдержала хаос супружества недолго и послала мужа к черту. Он мог стать помехой в большой карьере. Все прочие помехи Дарья давно устранила из своей жизни.

А вот кот Маркиз... О, эта тварь достала ее почище бывшего мужа! Оставлять его в квартире было сущей мукой. После смерти матери кот... нет, бросьте, коты этого не понимают... Как он мог догадаться, что его прежняя хозяйка умерла в больнице, не приходя в сознание? Ни черта он не понял, такое котьярам недоступно. Однако после смерти матери он резко изменился — обычно аккуратный по жизни, он напрочь забыл дорогу к своему кошачьему туалету. И делал свои дела, где хотел. Домработница постоянно металась по квартире с тряпкой, порошком и пятновыводителем. Пару раз, улетая в командировки, Дарья оставляла Маркиза и домработницу наедине. Из этого ничего путного не вышло — лишь грязь и вонь.

И тогда она решила сдать кота на передержку в кошачью гостиницу — пусть там за ним дерьмо убирают.

И вот наконец-то она от него избавилась. Какой-то доброхот постарался — подсыпал этому толстому говнюку стрихнин!

Стоя под горячим душем в ванной, наполненной паром, Дарья Юдина напевала веселую мелодию.

Потом вытерлась насухо, закуталась в чистый махровый халат, прошлепала босыми ногами на кухню, достала из холодильника мятный сироп, лимон, извлекла из бара бутылку рома и сделала себе свой фирменный юдинский мохито.

Смакуя коктейль, она размышляла о том, что ей предстоит на следующей неделе. Во-первых, отчет о состоянии дел во Владивостоке. А затем эта новая проверка, о которой они разговаривали с главным аудитором накануне командировки.

— Потребуется весь ваш немалый профессиональный опыт, Дарья Олеговна, и ваш такт. И одновременно ваша твердость и смекалка настоящего профессионала, которому не надо ничего разжевывать буквально, а стоит лишь намекнуть. Мы действуем

в рамках закона и проверяем целевое использование средств. Но это не министерство и не банк, это более тонкая материя. Поэтому, учитывая ваш опыт стажировки в менеджменте такого аукциона, как «Сотбис», я принял решение поручить эту проверку вам.

Вот так же веско и многозначительно разговаривали с ней, поручая в прошлый раз проверку бюджетных расходов на реконструкцию Большого театра. И она с этой работой прекрасно справилась.

Ну что ж, а теперь этот вот Музей. Музей, как всегда именуется его *он*, тот, кто больше не хочет ее знать. Тот, кто порвал с ней все связи.

Дарья залпом выпила остаток мохито.

Финансовая проверка реконструкции Большого театра была первой ступенью к креслу старшего аудитора. Эта вот новая большая работа — ступень вторая и последняя. Музеем исполняется сто лет, и, естественно, в год такого юбилея никто не желает никаких недоразумений. Поэтому призывают ее, кристально честную, с немалым опытом, железной хваткой и умом. Она проведет эту проверку с блеском, и если всплывут какие-то нужные факты по поводу приобретения коллекции... той самой спорной коллекции, о которой шла речь в кабинете главного аудитора, она их задокументирует, не бросив ни на кого ни малейшей тени. Сделает все так, как от нее требуют. Просто вспомнит, что необходимо, что сквозило между слов в том разговоре.

Она это умеет, она постарается.

Продолжая напевать про себя, Дарья собрала ставшие ненужными в квартире — пластиковую миску для корма, поилку, наполнитель для кошачьего туалета, щетку, полную шерсти, когтеточку, байковое одеяльце и коврик-подстилку, еще хранившие запах кота Маркиза, и с наслаждением спустила все это в мусоропровод.

Холодильник полон, домработница накануне закупила, как обычно, все продукты по списку. Но даже омлет готовить Дарье Юдиной после многочасового ночного перелета было лень. Она оделась в джинсы и ветровку и отправилась на улицу. В «Романов-синема», что как раз напротив ее дома, на первом этаже — отличная итальянская трагтория. Там Дарья и решила позавтракать... нет, уже, пожалуй, пообедать в этот солнечный майский воскресный день. Она часто обедала одна в кафе в выходные. Одиночество не пугало ее, порой угнетало, но она умела с этим справляться. Вот уже пять лет, как у нее не было мужчины, не было любовника, на романы и даже обычный секс просто не хватало времени, работа, карьера съедали все без остатка. Когда плоть, тело требовало свое, когда хотелось чуть ли не до смерти, Дарья брала с полки в ванной вибратор и забиралась с ним в постель. Но сегодня, усталая после самолета, она желала лишь одного — сытно, вкусно поесть, а затем завалиться спать.

Никаких траурных панихид по коту Маркизу.

Все предать забвению. Как говорится — прах к праху.

Дарья Юдина гордилась своими талантами, в частности — умением все помнить. Но некоторые вещи... да, некоторые эпизоды она приказывала себе выбросить из памяти навсегда.

Глава 6

«ПОРОСЯ С ХРЕНОМ ВАСАБИ»

«Дядя Коля» — отец «задолбыша», с которым взбешенный лейтенант Миронов так и не удосужился познакомиться Катю, в обычной жизни именовался Николаем Григорьевичем Тригорским.

День его после утреннего неприятного инцидента прошел нормально, без эксцессов.

Николай Григорьевич Тригорский работал на двух работах — на одной сутки через двое, на другой — сутки через трое. Однако сегодня — воскресенье, выпал, что называется, «обоюдный» выходной. Николай Григорьевич посмотрел футбол по телевизору, убрал, пропылесосил квартиру — всю, за исключением комнаты сына, и с пяти часов занялся приготовлением молочного поросенка, которого он планировал запечь в новой духовке как раз к ужину, к возвращению сына с работы.

Без четверти восемь по квартире разносился бесподобный аромат воскресного жаркого. А Николай Григорьевич с нетерпением поглядывал на часы. Сын с работы являлся в восемь. Там в Москве музей от метро в двух шагах, одна пересадка, ну если на конечной станции автобуса подождать, вот и получается — 20.00.

В одну минуту девятого раздался снизу звонок домофона. Сын Михаил... сам он предпочитал именовать себя Майк, но Николая Григорьевича это возмущало. Какой, к черту, Майк — Михаил, Мишка — самое русское имя. Николай Григорьевич нажал на кнопку домофона и ждал, пока сын поднимется на лифте и отопрет дверь своим ключом.

Взрослый... взрослый мужик уже, работает, а ключи от квартиры постоянно теряет.

Но в этот раз сын ключа своего не потерял. Отец смотрел, как тот снимает ветровку и кроссовки в прихожей.

— Здравствуй, папа.

— Здравствуй. Как на работе?

— Как обычно. Ой как вкусно пахнет! Это гусь?

— Порося, — Николай Григорьевич смотрел на сына.

Высокий вымахал. Волосы длинные. Постричь бы не мешало аккуратно, коротко на армейский манер. Можно, конечно, приказать: марш в парикмахерскую!

Но уж больно хороши волосы — густые, светлые, как лен, мягкие такие. И ему идет даже — что-то этакое старославянское, былинное сразу на ум приходит.

Нет, ладно, пусть ходит обросший, длинноволосый. Предки наши тоже особо-то не постригались, ремешком на лбу кудри прихватят, вот и хорошо.

— Ты зажарил поросенка? — спросил сын.

— Воскресенье, — Николай Григорьевич усмехнулся. — День божий, людям на радость.

Гуся и поросенка привезли из Твери приятели отца по городскому фонду «Правопорядок в действии. Помощь правоохранительным органам». Угостили от души.

— Мой руки, и за стол. Да... перед тем как ужинать... нет, после. После ужина...

— Что, папа? — сын шел в уборную.

— Ты не убрался в своей комнате. И я не стал там убирать, пылесосить. На полу вещи раскиданы, грязные носки.

— Я торопился, боялся опоздать на работу.

— После ужина все приберешь. Чтоб был идеальный порядок.

Идеальный порядок... эта фраза — любимая у Николая Григорьевича Тригорского. Он порой повторяет ее по десять раз на дню — и на первой своей работе, и на второй — подработке, и в кругу товарищей — бывших военных и казаков из столичного объединения казачества. И всегда эта фраза к месту по делу.

Должен быть идеальный порядок.

Установим идеальный порядок.

Идеальный порядок — это первостепенно.

Когда-то давно эту фразу Николай Григорьевич повторял и своей жене. Но жена ушла от него, едва лишь сыну Мише исполнилось тринадцать. И с тех пор в семье Тригорских про нее не упоминали.

Пока сын плескался в душе, Николай Григорьевич открыл новенькую электрическую духовку и извлек противень с жареным поросенком.

Какая же красота!

И создал же господь такую красоту — жареного поросля!

Из холодильника Иван Григорьевич достал пакет виноградного сока и клюквенный морс. Спиртного он не употреблял. Даже пива в рот не брал. Товарищи по фонду, знакомые на работе удивлялись — как такой здоровый мужик совсем это дело не уважает?

— Уважаю, — отвечал Николай Григорьевич. — И всегда хорошую компанию поддерживаю. Но свое я уже выпил. У меня сын взрослый.

Михаил... нет, все же привычнее для него имя Майк Тригорский никогда не видел своего отца не только пьяным, но даже выпивши. Да и сам, глядя на отца, никогда не испытывал желания купить в магазине и «высосать» до дна банку пива.

В маленькой кухне за накрытым столом царили оживление и возбуждение.

— Хорош? — спросил отец, кивая на противень с «поросля».

— Вкусный, с корочкой, пап, да?

— Прожарился ли, я его на три часа на 180 градусов ставил. А внутри-то знаешь что? В брюхе-то?

— Кишки. — Майк Тригорский налил себе морса и сел за стол.

— Каша гречневая. Самая что ни на есть правильная солдатская, походная еда. Каша, сынок, жиром свиным пропиталась. Сейчас язык проглотишь. Ну, откуда поросля начнем — с жопки или с головы?

Тут надо заметить, что Николай Григорьевич никогда не ругался при сыне матом. Вообще дома бранных слов не употреблял. Но слово «жопа» было его любимым крепким словом — он даже доказал это со

словарем: литературное слово, сам Лев Толстой его в книге употреблял. Значит, можно.

Часто, когда они смотрели по вечером телевизор с сыном, Николай Григорьевич изрекал:

— Наворовал, а теперь интервью раздает, жопа толстая.

Или:

— Все поет, старуха, ей в гроб ложиться пора, а она все на эстраде жопой вертит.

Или:

— Тоже мне мода, девки совсем раздетые, жопу уже прикрыть нечем стало.

— С головы, пап, — Майк Тригорский разглядывал жареного поросенка, переложенного отцом на большое блюдо.

Николай Григорьевич выскреб ложкой из брюха поросенка ароматную, истекающую жиром гречневую кашу, разложил по тарелкам. Затем достал из ящика разделочный нож и одним мощным ударом обезглавил поросенка.

Бац!

— Слушай, совсем забыл, а ты хрен купил?

— Да, возле метро в магазине. Подожди, сейчас.

Майк слетал в прихожую — только льняные волосы развевались по плечам — и выставил на стол баночку с хреном.

Николай Григорьевич глянул на нее и нахмурился.

— Почему хрен зеленый?

— Это васаби, пап.

— Я тебя спрашиваю, почему хрен зеленый?!

— Это же васаби, японский хрен, он такой и должен...

— А что, русского хрена в магазине нет, что ты японский покупаешь?

— Да он же тоже русский, вот смотри, у нас изготовлен, то есть не у нас, а в Белоруссии.

Николай Григорьевич сгреб баночку и придирчиво стал разглядывать этикетку. Убедившись, что сын не лжет, отвинтил крышку.

— В следующий раз бери со свеклой.

— Хорошо, папа.

Николай Григорьевич рассек головешку порося разделочным ножом — точнехонько по середине пяточка и положил порцию сыну, отрезал еще прожаренной мякоти с бока.

— Вкусно, папа!

— Вот и хорошо, что вкусно, сынок. Между прочим, сегодня утром приходил к тебе...

— Кто?

— Ну этот... *задолбыш*... Миронов. Опять двадцать пять.

Майк Тригорский перестал жевать, уставился на отца.

— Ты бы, сынок, уладил с ним эту вашу... уж не знаю, как и назвать... неприязнь что, ли, — Николай Григорьевич жевал с аппетитом. — Все же вы росли вместе. Сопляками бегали.

— Пап, я...

— Он теперь фуражку надел, властью облечен, — Николай Григорьевич прищурился. — Разговаривать как стал, сопляк... Ты бы уладил с ним, Миша. А то он того...

— Что?

— Он этого дела так не оставит.

Майк опустил голову. Длинные льняные волосы упали на лицо. Николай Григорьевич положил себе еще кусок «порося». Потом зачерпнул из баночки ложкой хрена «васаби», попробовал и покачал головой.

Едрена-матрена! Горлодер... японский бог...

В приправах он всегда ценил остроту. Это как-то помогало не воспринимать окружающий мир до отупения пресно.